

История английской литературы. Том 1. Выпуск второй
М.--Л., Издательство Академии Наук СССР, 1945
OCR Бычков М. Н.

В творчестве Ричардсона новому жанру реалистического романа, "открытому" еще Даниэлем Дефо, впервые суждено было получить всеобщее безоговорочное признание и общеевропейскую известность.

Биография Сэмюэля Ричардсона (Samuel Richardson, 1689--1761) небогата событиями, но в своем роде очень характерна. Детство, проведенное в дербиширской деревне, в семье отца, провинциального столяра; недолгое пребывание в школе, где маленький Сэмюэль пользуется известностью среди товарищей под прозвищами "Серьезный" и "Важный"; долгие годы работы, сперва в качестве подмастерья, а потом, по словам самого Ричардсона,-- "столпа всей фирмы" лондонского издателя и книготорговца Уайльда; женитьба на дочери бывшего хозяина; собственное, сперва скромное, потом все более преуспевающее типографско-издательское дело;-- таковы основные вехи жизни Ричардсона. В 1754 г. он -- почтенный семьянин, добрый лондонский буржуа -- занял "столь же доходный, как и почетный" (по его словам) пост главы издательской гильдии (Stationers' Company) и через несколько лет умер в собственном доме, окруженный довольством, в сознании добросовестно прожитой жизни.

Ричардсон не был профессиональным писателем в современном смысле слова. Даже успех "Памелы" и "Клариссы" не смог заставить его отказаться от привычной каждодневной типографской работы. Литература была для него лишь одним из многих занятий. Профессия английского stationer в середине XVIII века была весьма многосторонней: Ричардсону и его коллегам приходилось совмещать в своем лице и редакторов, и издателей, и типографщиков, и книгопродавцев. Ричардсон, как и многие другие, "присоединил" ко всему этому профессию сочинителя.

Это произошло неожиданно, почти случайно. В 1739 г. к Ричардсону обратилось двое его сотоварищей-издателей с предложением -- составить письмовник, откуда читатели, неопытные в эпистолярном искусстве, могли бы заимствовать образцы писем, приличествующих различным случаям жизни. Издания такого рода с давних пор были широко распространены в Англии. Ричардсон принял предложение. Среди многочисленных житейских ситуаций, которых он коснулся, его особенно заинтересовала одна: положение девушки-служанки, подвергающейся любовным преследованиям со стороны хозяина. Как расскажет она об этом родителям? Что посоветуют они дочери? Так зародился первоначальный замысел "Памелы".

Работа над письмовником скоро отодвинулась на задний план. "Письма к близким по поводу важнейших обстоятельств, указывающие не только стиль и формы, которым надо следовать при писании частных писем, но и справедливый и разумный образ мыслей и действий в обычных случаях человеческой жизни" (Letters Written to and for particular friends, etc.) появились лишь в январе 1741 г.,-- три месяца спустя после выхода знаменитого-первого романа Ричардсона "Памела, или вознагражденная добродетель" (Pamela; or, Virtue Rewarded), увидевшего свет в ноябре 1740 г. Это был роман в письмах. Имя автора даже не фигурировало на титульном листе. Как и впоследствии в остальных своих романах, Ричардсон ограничился скромной ролью "издателя" якобы подлинной переписки своих героев.

В "ряде частных писем красивой молодой девицы к ее родителям, публикуемых с целью развития принципов добродетели и религии в умах молодежи обоего пола", как гласил подзаголовок романа, читателям сообщалась назидательная история Памелы -- молоденькой горничной в богатом помещицком доме, целомудрие которой подвергается серьезной опасности со стороны ее хозяина, молодого сквайра Б., безжалостно преследующего свою жертву всеми возможными способами, пока, наконец, ее добродетели не умиляют его настолько, что, забыв обо всех сословных преградах, он предлагает своей служанке стать его законной женой.

В трактовке самого Ричардсона история Памелы была лишена того воинствующего демократического значения, какое нередко приписывали ей позднейшие читатели и критики. Верный сын компромисса 1689 г., он был убежден в законности и естественности существующих в Англии классовых и сословных различий. В своих взглядах на общественную жизнь он, по существу, очень близок к прекраснодушному оптимизму шептсберианско-болинброковского типа. Все хорошо на своем месте, и все к лучшему в сем лучшем из миров. "Кто пожелал бы быть прислугой, если бы мог быть барином или барыней? Честные бедняки... очень полезная часть мироздания".